Все началось с оглушительного удара воздуха о море темного пламени. Самая темная ночь в короткой истории Конохи. Негодование, вызванное основателем клана, раздутое в пламя человеком, давно умершим, оставленное гореть бесконтрольно под поверхностью, пока основа мира не рассыплется в пепел у них под ногами.

"Минато?!" - Спросила Кушина, проснувшись, когда ее муж уже встал с постели и стоял у окна их дома.

"Кто-то атакует", - быстро ответил он, увидев жуткое зрелище темного свечения, опустошающего не только территорию клана Узумаки, но и различные места в самой деревне. Клан Сарутоби также пострадал. А также другие стандартные пожары, уничтожающие другие известные территории клана. "Забирайте Наруто, отправляйтесь в безопасную комнату!"

"Но–!"

Все, что она хотела сказать, потеряло смысл, когда ее муж исчез в желтой вспышке. Даже если бы ей пришлось защищать своего ребенка, она не смогла бы заставить себя бросить своих соплеменников, не после того, как однажды уже почти потеряла всех. Она выбежала из их спальни, шлепая босыми ногами по деревянным доскам, когда распахнула дверь в комнату своего сына. "Наруто?" спросила она тихо, настойчиво, вздохнув с облегчением, когда увидела своего маленького мальчика.

Он тоже слышал звуки, мог слышать крики так же, как и она. "Мама?" спросил он, на его маленьком личике ясно читалось беспокойство. Он не понимал, был слишком мал, чтобы полностью понять, но ему и не нужно было. Смерть начинала пропитывать воздух. Аура злобы и отчаяния была настолько густой, что становилось трудно дышать.

Несмотря на это, матриарх Узумаки изобразила на лице ободряющую улыбку и подхватила его на руки. "Все в порядке, малыш. Мама здесь", - заверила она его, уже просчитывая свой следующий шаг. Минато сказал добраться до безопасной комнаты, и она это сделает. Но она должна была попытаться спасти кого-то еще. На ее людей напали! Она ничего не могла поделать!

Вернулась в коридор только для того, чтобы мельком увидеть тень, темную фигуру, движущуюся по коридору со зловещими красными глазами, дико вращающимися. Она увидела движение рук фигуры и прыгнула обратно в комнату своего сына. " Стихия Огня! Великий огненный шар!" В одно мгновение темнота была рассеяна волной пламени, охватившей коридор и пробившей дальнюю стену. Наруто закричал, прячась в ее объятиях так сильно, как только мог.

Она быстро переместила свою хватку на него, чтобы схватить кунай, спрятанный в ее пижаме, едва успев заблокировать стремительный клинок ниндзя, которого она видела. При таком освещении, с такого близкого расстояния, невозможно было ошибиться, что перед ней Учиха. Она не была знакома со всеми учиха, но этого узнала. Уважаемый чунин. "Зачем ты это делаешь?!" - потребовала она, скрестив свой клинок с его.

"Учиха восстанет!" - зарычал он на нее, отступая, руки уже двигались сквозь печати. Он был не настолько глуп, чтобы атаковать ее с близкого расстояния.

Но даже в этом случае ей не нужно было быть рядом, чтобы покончить с этим. Кем бы он ни был, он напал на нее в ее собственном доме со смертельным намерением, даже когда она держала на руках своего маленького сына. У нее не было ни малейшего желания проявлять милосердие. Прежде чем Учиха-чунин смог преодолеть половину печатей для своей техники,

задняя часть ночной рубашки Кушины разорвалась, золотые цепи вырвались из ее спины и пронзили захватчика со смертельной быстротой. Любая попытка, которую он мог бы предпринять, чтобы отомстить умирающему, была предотвращена, поскольку цепи сковали его конечности, пока он испускал последние вздохи. Когда он обмяк в объятиях ее чакровых конструкций, она отпустила его, отбросила. Он больше не был важен. Что было важно, так это–

Крики. Она... Она больше не могла их слышать. Единственными звуками были языки пламени, пожиравшие ее мир. Ее клан, ее люди, они были–!

... Наруто. Что было важно, так это Наруто. Минато отомстит за них, она знала. Но прямо сейчас она должна была обезопасить своего маленького мальчика!

Теперь, когда она освободилась от цепей, у нее не было возможности быть незаметной. Она побежала по коридору, не обращая внимания на языки пламени, которые лизали и обжигали ее ноги. Другому Учихе даже не дали шанса закричать в тревоге, когда золотая цепь ударила, обвилась и сломала ему шею. Она продолжала двигаться, игнорируя тревожный крик, когда был обнаружен один из трупов Учихи. Она не знала и не заботилась о том, какой именно. Она уже была у двери безопасной комнаты. Прижав окровавленную руку к дереву, герметизирующая матрица открылась, позволяя ей пройти и открыть дверь. Захлопнув ее за собой, она опустилась на колени, когда печать захлопнулась с неестественным звуком, похожим на деревянный лязг.

Она услышала голоса по ту сторону двери.

"В какую сторону она пошла?!"

"Сюда! Я видела, как кто-то шел этим путем! Она должна быть здесь!"

"Подождите, это тюлени. Это должно быть ловушка. Безопасная комната или что-то в этом роде".

"Узумаки и их чертовы тюлени. Тогда мы сожжем все вокруг нее дотла! Стихия Огня! Великий пожар!–"

И затем... Раздались новые крики.

Все это время Кушина успокаивающе качала своего сына, закрывая его уши от звуков умирающих предателей, насколько могла, и пела ему, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно сквозь слезы.

Тем временем Минато с отчаянием оглядывал деревню. Ему потребовалось всего мгновение, чтобы понять, что происходит. Все, что потребовалось, - это увидеть единственное поселение клана, которое было полностью нетронуто боевыми действиями.

Учиха готовили переворот.

Было ужасно, насколько хорошо это было скоординировано. Каждый клан подвергся нападению, что вынудило их отложить оказание поддержки для защиты деревни. Каждый клан атаковал с хирургической точностью. Не для уничтожения, а для того, чтобы занять их. У него было ощущение, что большинство из них даже не подвергались прямому нападению со стороны ниндзя. Единственные, кто подвергался... Узумаки, который фактически усыновил его после того, как он женился на Кушине. И Сарутоби, дом предыдущего хокаге до него. Они полностью сосредоточились на устранении фигур, которые могли бы возглавить деревню, в

надежде устранить любой выбор, кроме как позволить Учихе захватить власть.

Они нацелились и на него тоже. И таким образом, которого он не ожидал.

Его первая вспышка из дома привела его на вершину памятника Хокаге, чтобы он мог оценить ситуацию, но ему пришлось мгновенно ретироваться, когда он увидел странное черное пламя, пожирающее точку его приземления. Затем еще раз. И снова. Снова. Снова. Снова. Вскоре он был вынужден отказаться от поиска безопасного места, вернувшись к памятнику и бросив один из своих кунаев Бога грома, чтобы спастись от опасности. Даже тогда темное пламя лизнуло его пальто, вынудив его сбросить его. Он должен был защитить свою деревню. Он должен был–

Он внезапно сорвался со своего места, почувствовав намерение убить, как раз вовремя, чтобы избежать еще одной вспышки черного пламени. Он развернулся, высматривая глазами угрозу, следуя своим инстинктам, он бросил еще один кунай и метнулся к нему, схватив его в воздухе и нанеся удар, столкнувшись с другим. Он встретился взглядом со своим противником, скорее всего, зачинщиком этого переворота. Это были глаза Учихи. Шаринган, но тоже другой. Дополнительный узор можно было увидеть в одном из печально известных красных глаз. Другой был значительно затемнен, но демонстрировал тот же узор. Но более того, Минато узнал человека, который так искренне пытался убить его.

- Сто восемь, - произнес Фугаку Учиха, растягивая каждое слово, - именно столько ваших печатей было найдено по всей деревне. Как благоприятно. Ты считаешь себя благочестивым человеком, четвертый Хокаге?"

Блондин не собирался отвечать на такой бессмысленный вопрос. "Зачем ты это делаешь, Фугаку?"

"Я должен думать, что это очевидно", - ответил Фугаку, не отвечая. Снова почувствовав угрозу до того, как это произошло, Минато молниеносно отскочил в сторону, снова уклоняясь от несомненно опасной техники.

И только тогда, наблюдая за своим врагом, он увидел струйку крови, стекающую из глаза Учихи. Эта техника, она ранила его? И это исходило от затемненного глаза, он, должно быть, использовал его сотни раз, чтобы вызвать такой хаос и ущерб одновременно.

Глава клана вздохнул через нос, надеясь на легкую победу. Мгновенная техника против мгновенной техники. Момент намерения был единственным предупреждением, в котором нуждался Хокаге, чтобы сбежать. Он действительно был настолько хорош. "С самого основания этой деревни, ставшего возможным только благодаря нашему сотрудничеству с сенджу, к учихам относились с подозрением и презрением. Ненависть Второго к нам была легендарной, и после его милосердной смерти его ученик был избран главой деревни. Затем, когда клан Сенджу превратился всего лишь в одного любителя азартных игр, мы поняли, что наше время пришло".

Отвращение Фугаку было непреодолимым, когда он произнес свои следующие слова. "Затем появился ты. Ученик ученика Хирузена. Женился на представительнице клана рыжеволосых сенджу. С вашим выбором в качестве четвертого хокаге мы знали, что Мадара был прав с самого начала! Что мы никогда не получим признания, которое нам причиталось, которое мы заслужили!"

Минато принял боевую стойку, зная, что битва неизбежна, и понимая, насколько смертельным противником стал Фугаку. "От человека, который скрывал столько силы, и вместо того, чтобы использовать ее ради деревни, он обратил эту силу против нее. Тебе придется простить мне

отсутствие сочувствия".

"Ты понятия не имеешь, чего мне стоила эта сила", - тихо и опасно проговорил Фугаку.

"И после того, как ты напал на мою семью, на мою деревню, мне все равно. На этом твои амбиции заканчиваются."

Битва была настолько короткой и запутанной, насколько можно было ожидать от двух опытных ниндзя. Минато метался взад и вперед по полю боя, выбирая новые точки для засады на Учиху. Фугаку довел пироманию учихи до крайности. Он больше не использовал свою скрытую технику, пламя которой еще долго горело после того, как должно было погаснуть из-за нехватки топлива. Но это не уменьшало опасности Учихи с обширным арсеналом огненных дзюцу.

Однако не огонь ускорил окончание битвы. Вместо этого, всего на мгновение. Когда двое мужчин встретились взглядами, на первый план вышла другая особенность Учихи. Непревзойденное гендзюцу.

Цукуеми.

Секунды превратились для Минато в часы. Часы, запертые в его собственном сознании, переживающие все ужасы, которые только мог вообразить Фугаку. Ему дали шанс испытать, как его пожирает пламя Аматерасу. С него заживо сдирают кожу. Медленно потрошат. Каждый новый ужас заканчивался возвращением к полному выздоровлению, только для того, чтобы почувствовать, как начинается следующий кошмар.

И несмотря на все это, он не сломался. Этот дух, этот огонь в его глазах никогда не угасали.

Так что Фугаку проявил творческий подход.

Он показал Хокаге, что, возможно, происходило с его женой и сыном в этот самый момент. Заставляя мужчину смотреть, как над его женой надругались и изувечили, все время крича, чтобы он спас ее. Вопли его маленького сына, когда его резали.

И затем... Перспектива изменилась. Минато больше не наблюдал за отчаянием тех, кого любил, вместо этого он причинял его. Руки двигались по собственной воле, когда он осквернял тело Кушины. Когда он свернул шею своему собственному ребенку.

В реальном, бодрствующем мире Фугаку почти рухнул. Борьба отняла у него почти все, что у него было. Но этого было достаточно. Он сломал Минато Намикадзе. Он волочил ноги вперед, приближаясь к блондину, который упал на колени с пустыми глазами. "Прощай, четвертый хокаге", - выдохнул он, вытаскивая кунай, больше не уверенный в том, что у него достаточно чакры для выполнения дзюцу. "То, что я делаю, я делаю на благо деревни и Учиха".

Ослепительная желтая вспышка, и упавший Хокаге, который до этого был в футе от него, теперь был всего в нескольких дюймах. В груди Фугаку расцвела боль, затем он взревел, требуя внимания, когда почувствовал, как кунай Минато вонзился глубоко в его сердце и вывернулся.

- Твои предсмертные слова, - выдохнул Минато, хватая Учиху за руку, - не должны быть ложью.

"..." Рот Фугаку открылся, но он не смог выдавить из себя ни слова, только сбивчивое бульканье. После всего этого, всего, что он перенес, Минато все еще был способен сражаться?! Но как бы сильно он ни был впечатлен, не следует недооценивать тягу учихи к злобе и мести. В

последний раз правый глаз Фугаку вращался, темное пламя Аматерасу вспыхнуло на теле Хокаге. Уцелевшим только одним глазом Фугаку наблюдал, как Хокаге держит его трясущимися руками, когда всепоглощающее пламя начало распространяться из его живота. Даже перед лицом того, что, как он знал, было неминуемой смертью, Минато все еще продолжал выполнять свой долг.

Даже в минуты собственной смерти Фугаку мог только ненавидеть его за это.

"Лорд Хокаге!" - раздался голос несколько минут спустя, отряд во главе с Орочимару нашел двух мужчин. Он видел признаки битвы снизу. С кем бы ни сражался нынешний Хокаге, должно быть, он был достоин внимания.

"Боже мой, боже мой", - пробормотал Саннин, увидев состояние Минато. "Встаньте по периметру, приведите мед-нин", - рассеянно приказал он, приближаясь к поверженному лидеру деревни. Он воспользовался моментом, чтобы осмотреть Хокаге. Пламя великолепно справилось со своей работой. Даже если бы были предприняты усилия, чтобы спасти его, шансов не было. "Метод запечатывания огнем", - произнес он нараспев, представляя печать, которая втягивала пламя внутрь. Не туша его, а просто перемещая. Орочимару планировал получить массу удовольствия, изучая свойства странной техники. "Как вы себя чувствуете, лорд Хокаге?" спросил он, в его голосе слышался лишь слабый интерес.

Блондин закашлялся, кровь окрасила его обугленные губы. "У меня бывали дни и получше", - прохрипел он. "Узумаки, Кушина, мой сын, они–?"

"Отряды уже выдвигаются", - сообщила ему змея. "Похоже, они и Сарутоби пострадали сильнее всего. Хотя, учитывая меньшую численность активных ниндзя Узумаки..."

Минато подавил смешок из-за того, насколько это было больно. "У тебя ужасные манеры обращения с больными".

"Что ж, ниндзя-медик уже в пути".

Изо рта Хокаге брызнула едкая кровь. "Я думаю, мы оба знаем, что это не будет иметь значения".

Саннин хранил молчание.

"Орочимару, не мог бы ты кое-что сделать для меня?"

"Я далек от того, чтобы игнорировать последнюю просьбу умирающего человека."

"...Присмотри за деревней вместо меня. И... Скажи моей жене, что я..." Его губы зашевелились, но последнее слово так и не сформировалось, замерев, когда Минато Намикадзе, четвертый Хокаге, погрузился в свой последний покой.

Змеиный Саннин встал со своего коленопреклоненного положения, глядя сверху вниз на человека, на которого он так долго обижался. Должность хокаге, которой он так жаждал, была дана ему только за то, что он оказался в нужном месте в нужное время. "Кукукукуку, кукукукуку!" - тихо хихикал он про себя, когда медик подошел слишком поздно. О, какой это был хороший день!

http://tl.rulate.ru/book/4146/121024